

Библиографические ссылки

1. **Бахтин М.** Проблемы речевых жанров: [Текст] / М. Бахтин // Бахтин М. Собр. соч.: В VII т. Т. V. – М.: Рус. словари, б/г. – С. 156-289.
2. **Гадамер Г.** Истина і метод: [Текст] / Г. Гадамер. – К.: Юніверс, 2000. – 464 с.
3. **Гром'як Р.** Історія української літературної критики (від початків до кінця XIX ст.): [Текст] / Р. Гром'як. – Тернопіль: Підруч. і посіб., 1999. – 223 с.
4. **Зубрицкая М.** Номо legens. Читання як соціокультурний феномен: [Текст] / М. Зубрицкая. – Львів.: Літопис, 2004. – 349 с.
5. **Егоров Б.** От Хомякова до Лотмана: [Текст] / Б. Егоров. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 367 с.
6. **Ізер В.** Процес читання, феноменологічне наближення: [Текст] / В. Ізер // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів: ЛНУ, 2002. – С. 349-368.
7. **Сагатовский В.** Триада бытия: [Текст] / В. Сагатовский. – СПб.: Изд. дом С-Петербур. гос. ун-та, 2006. – 125 с.
8. **Чернец Л.** «Как слово наше отзовется...»: судьбы литературных произведений: [Текст] / Л. Чернец. – М.: Высш. шк., 1995. – 279 с.
9. **Штайн К. Э.** Метапозитика – «размытая» парадигма: [Текст] / К. Э. Штайн // Филолог. науки. – 2007. – № 6. – С. 41-50.
10. **Шляхова Н. М.** «Образы „Я“ в образах інших людей» (феномен іншості / інакшості в естетиці М. Бахтіна): [Текст] / Н. М. Шляхова // Теорія літератури. Компаративістика. Україністика: Зб. наук. праць з нагоди 70-річчя професора Романа Гром'яка. – Тернопіль: Підруч. і посіб., 2007. – 400 с.
11. **Яковенко С.** Романтики, естети, ніцшеанці. Українська та польська літературна критика раннього модернізму: [Текст] / С. Яковенко. – К.: Ін-т критики, 2006. – 295 с.
12. **Яусс Г.-Х.** К проблеме диалогического понимания: [Текст] / Г.-Х. Яусс // Бахтинский сб. Вып. III. – М., 1997. – С. 182-197.

Надійшла до редколегії 22.05.2009.

УДК 821.111 – 1. «1 б», «17»

О. В. Родный

Днепропетровск

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ СМЕХОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII в.

Розкриваються основні особливості російської сміхової літератури XVII ст. як перехідного явища до літератури Нового часу, її амбівалентний характер, з'єднуючий сміхову літературу як з фольклором, так і з офіційною літературою.

Ключові слова: сміх, сміхова література, комічне, амбівалентність, карнавал, масова література.

Раскрываются основные особенности русской смеховой литературы XVII в. как переходного явления к литературе Нового времени, ее амбивалентный характер, связывающий смеховую литературу как с фольклором, так и с официальной литературой.

Ключевые слова: смех, смеховая литература, комическое, амбивалентность, карнавал, массовая литература.

The basic features of XVII century Russian humorous literature are researched. It is shown that this literature is a transitive phenomenon to the literature of New time. The author shows it's ambivalent character connecting the humorous literature as to folklore, and with the official literature.

Key words: laughter, humorous literature, comic, ambivalence, carnival, mass literature.

Смеховая литература представляет собой очень сложное образование, которое, по сути, соответствует «пестрой» ментальности русской литературы

XVII в. как переходного периода. В ней сочетаются взаимоисключающие, противоречивые моменты: элементы древнерусской литературы и литературы Нового времени, элементы традиционной устной литературы и письменности, трагическое и комическое и т. п.

В истории русской литературы XVII век характеризуется такими новыми чертами, как «рост личностного начала во всех сферах литературного творчества, развитие изобразительности, эмансипация вымысла, расширение круга читателей, появление народной литературы» [8, с. 162]. В это время народная литература, вновь выдвинувшаяся на авансцену русской литературы, часто приобретает вид «смеховой литературы», в которой комическое играет роль главного принципа семантики и поэтики текста.

Средневековая народная литература (так называемая «народная книга»), как правило, является выражением мировоззрения и мироощущения народа, принадлежит к его «смеховой культуре», о чем свидетельствует история литературы средних веков Западной Европы. Но появление русской народной «смеховой литературы» в XVII в. можно считать неожиданным.

Народная культура древней Руси, как и другие пласты русской культуры, является настолько неординарным образованием, что особенности ее проявления во всех сферах жизненного уклада русского человека явно выделяются на фоне относительно сходных признаков культур стран средневековой Европы.

Фундаментальный труд М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1945) хоть и не касался особенностей смеховой культуры средневековой Руси, тем не менее, дал толчок изучению данного феномена отечественным литературоведением. О природе древнерусского смеха, функциях комического в смеховой литературе, ее соотношении с фольклором писали В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, В. Я. Пропп, С. С. Аверинцев и др.

Цель данной статьи – раскрыть основные особенности русской смеховой литературы XVII в. как переходного явления к литературе Нового времени.

Относительно древнерусского смеха существует две устойчивые линии исследования. Во-первых, это положения Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, согласно которым смех направлен смеющимся на себя для обновления и возрождения через осмеяние самого себя. «Смеющийся чаще всего смеется над самим собой, над своими злоключениями и неудачами» [9, с. 4]. Данная концепция в своих заключениях продолжает поиск смеховых взглядов на мир, которые начал М. М. Бахтин, и в своих представлениях придерживается его выводов относительно природы смеховых действий.

Однако после выхода в свет первого исследования смеха на Руси ряд ученых, высоко оценив вышеуказанную работу, дают иные представления о смеховой культуре древней Руси, которые полностью противоречат как взглядам Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, так и общепризнанному труду М. М. Бахтина. Например, Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский [10, с. 154] настаивают на том, что древней Руси не был присущ универсальный западноевропейский смех, отменяющий все иерархические отношения.

Как известно, существенной характеристикой духовной жизни древнерусского человека было существование двоеверия. Православное христианство довольно терпимо относилось к наследию славянского язычества. «<...> Кажется, будто Русь, омывшись в купели крещения, тотчас же забыла свой прежний языческий мир со всеми творениями его вымысла. Не совсем так было на деле» [6, с. 271]. О двоеверии говорил и А. Г. Кузьмин: «Должно отметить, что русское духовенство хотя и боролось с языческими пережитками, все-таки относилось к ним довольно терпимо. И именно это обстоятельство обеспечивало обратную терпимость язычников к христианству» [7, с. 232]. Древнерусское двоеверие принуждало человека искать защиты, благополучия и достатка путем обращения к заступничеству православной религии с одной стороны и магическими ритуалами славянского язычества с другой стороны. Таким образом, славянское язычество несет на себе печать «антиповедения», что равносильно в официальной религии «антихристианству»; явное слияние двух противоположностей в единое явление.

В то же время, язычество, всегда тесно связанное с культом мертвых, имело представление о загробном мире как «вывернутом» по отношению к посюстороннему. «Тем самым перевернутое – в самых разнообразных аспектах – поведение автоматически переносит действителя в сферу потустороннего мира, подвластного нечистой силе (которая в целом ряде случаев восходит к языческим богам)» [10, с. 156]. Поэтому «изнаночный» мир всегда связан с «темным». Смеховая культура древней Руси – это прямое противопоставление темного, дьявольского, языческого чистому и светлому православию. «Русская средневековая православная культура организуется противопоставлением святости и сатанинства» [10, с. 154], то есть, для русского средневековья смех-это отражение «святости наизнанку», принадлежность к вывороченному «левому» миру. Поэтому мир этот кощунственен по самой своей сути, то есть несерьезен. Отсюда очевидно, что древнерусский смеховой мир, в отличие от западноевропейского, отнюдь не направлен на изменение реального мира, он составляет часть темного света, который не обновляет существующее бытие.

Свидетельством принадлежности смеха к дьяволу было признание страшным грехом «смехотворение» и «смех до слез». Если западноевропейский карнавальная мир – это утопия о чаяниях людей и стремление к благополучному будущему, через перерождение и осмеяние реального бытия, то древнерусский смех переворачивает мир культуры и кромешный мир занимает активное положение.

Особенности русской средневековой смеховой культуры определили и особенности смеховой литературы XVII в. Появление русской смеховой литературы как нового литературного и культурного факта, обусловлено, по нашему мнению, процессом перехода к литературе Нового времени. Наряду с этим, смеховая литература, в свою очередь, не может не отражать изменение отношения к словесности. Первые исследователи смеховой литературы обращали внимание как раз на эту сторону проблемы. Они видели в смеховой литературе, более всего, разрушение прежнего одностороннего религиозного и

официального отношения к словесности, расширение круга писателей и читателей, факт секуляризации литературы и т. д.

Появление смеховой литературы, на наш взгляд, должно быть объяснено в контексте литературного процесса XVII в., рассматриваемого нами в качестве переходного периода. С точки зрения смеховой литературы, для этого процесса характерны «упразднение средневекового культурного запрета на смех и его эмансипация» [12, с. 167] в русской литературе XVII в. и произошедшее в связи с этим изменение отношения к смеху, в результате чего содержание категории «комическое» претерпело сильное изменение. Обобщенно говоря, до XVII в. в древнерусской культуре имелось два варианта категории «комическое»: официально-сатирический и народно-амбивалентный.

Первый вид комического непосредственно был связан с дидактическим направлением официальной литературы и соответствовал целям обличения какого-либо человеческого порока, института, явления и т. д. Существование сатирических элементов в официальной литературе не нарушало запрета смеха, исходившего из того, что «Иисус Христос некогда не смеялся», и предполагало не веселый смех, а гнев и скорбь или, в лучшем случае, слабую улыбку.

Второму, народно-амбивалентному варианту комического был присущ «смех, направленный и на самих смеющихся» [2, с. 15]. По мнению М. М. Бахтина, народный смех, уходящий своими корнями в архаическое ритуальное осмеяние божества, является амбивалентным, так как в нем сочетаются взаимоисключающие начала. Такая амбивалентность выражается, прежде всего, в образе той «рождающей смерти», который столь распространен в святочных и масленичных играх древней Руси.

В XVII в. основные модусы комического изменяются радикальным образом. Такое изменение обнаруживается почти во всех областях литературы того времени. В частности, народно-амбивалентный смех, который раньше был ограничен культовыми действиями, ритуалами, праздничными играми, проник в словесность, в результате чего возникла народная смеховая литература. Если раньше народно-амбивалентный смех имел место лишь в немногих произведениях, да к тому же выступал как частный элемент, то теперь комическое (уже в новом значении) выдвигается на первый план как доминанта текста. По сути, в смеховой литературе оно играет роль структурального центра поэтики и семантики текста.

Вместе с проникновением народно-амбивалентного смеха в словесность и формированием смеховой литературы наблюдается заметное распространение комического начала. Так, например, был переведен с польского сборник «Фацеции», который воспринимался не как чужой, а как свой: в его предисловии сказано, что «фацеции» «преведены с полскаго языка», а рядом они названы «издевки смехтворны московски» [12, с. 138]. Кроме того, были созданы переводные и оригинальные новеллы, анекдоты, в которых преобладает пафос комического и смешного. В литературном процессе XVII в., как видим, заметны легализация и распространение смеха.

Наряду с этим и в официальной религиозной литературе изменилось отношение к комическому. С одной стороны, продолжалось употребление

официально-сатирического вида комического. Например, в поэзии и драматургии Симеона Полоцкого сатирические образы непосредственно связаны с морализирующим осуждением общечеловеческих пороков. Еще резче проявляется такое понимание комического в трактате «De arte poetica» Феофана Прокоповича, согласно которому комедия «изображает в действии, равно как и в речах действующих лиц, общественную и частную деятельность простого люда для наставления в жизни и в особенности для обличения дурных нравов людей» [14, с. 344].

С другой стороны, в барочной литературе появляется иной вид комического, существенное отличие которого заключается в ослабленной связи с дидактичностью нравоучительной литературы. В нем отсутствует или, во всяком случае, уменьшена обличительная сатирическая острота и часто граница между сатирой и юмором становится неясной, расплывчатой. Например, в стихотворениях «Дароимство» и «Пиянство» Симеона Полоцкого комические образы сближаются с юмором и усиливаются моменты забавности и потешности комического: все содержание этих стихотворений «сводится к какому-нибудь анекдоту или даже забавному каламбуру» [5, с. 237].

Тенденция ослабления нравоучительности и усиления забавности еще ярче выражается в интермедиях («междоречиях»), которые входили в жанровую структуру барочного школьного театра как его необходимая составная часть. Их цель – дать зрителям отдых от высоких эмоций: «интермедии, которые условно можно назвать фольклорными, по сравнению с бытовыми, преимущественно выполняющими дидактическую функцию, прежде всего были призваны смешить зрителя» [13, с. 186].

Из вышесказанного вытекает, что в литературном процессе XVII в. как переходного периода произошло существеннейшее изменение отношения к категории комического, и именно в этом контексте необходимо исследовать смеховую литературу.

Появление смеховой литературы обусловлено не только переходным периодом, но и взаимодействием «высокой» и «низовой» литературы. По общественной принадлежности своих авторов и читателей смеховая литература считается народной. Языковые черты, бытовые детали, изображаемые в произведениях, состояние сохранения и передачи текстов (как правило, тексты смеховой литературы распространяются в тетрадочках, без переплета), – все это свидетельствует о ее принадлежности к народной культуре. Но, как это ни звучит парадоксально, без учета взаимоотношения «высокой» и «низовой» литературы нельзя объяснить сущность смеховой литературы.

В данном случае смеховую литературу по ее культурной функции можно сравнивать с массовой литературой. По мнению Ю. М. Лотмана, массовая литература, по-разному относящаяся к современной ей высокой литературе, может копировать ее, «создавая ее упрощенный и переведенный на значительно более примитивный язык вариант» [11, с. 212]. Возможно и другое отношение, в основе которого лежит не стремление уподобиться высокой литературе, «а борьба с ней, однако в пределах общих структурных норм, почерпнутых из той же высокой литературы. В этом случае возникают пародии типа «Службы

кабаку» XVII в. или ироикомических поэм XVIII в.» [11, с. 213]. Как отмечает Ю. М. Лотман, толчок к возникновению смеховой литературы XVII в. дал второй тип взаимоотношения «низовой» и «высокой» литературы, в результате чего смеховая литература приобретала своеобразный, парадоксальный характер.

С одной стороны, смеховая литература, принадлежащая к народной культуре, отражает мировоззрение и мироощущение как раз низшего слоя общества. Как известно, считается, что безымянные авторы смеховой литературы принадлежат к посадскому слою и низшему духовенству, Их пребывание на низшей ступени иерархической лестницы феодального общества, на его периферии позволяло им критически (иногда даже радикальным образом) относиться к современному им официальному мировоззрению. Безымянные авторы, иногда обличая и высмеивая недостатки феодального общества, иногда вызывая не столько критический, насмешливый смех, сколько игровой, шуточный смех, выступали как носители иного, противоположного официальному мировоззрения, создавали свою собственную картину мира, во многом связанную со стихией смеховой культуры.

С другой стороны, произведения смеховой литературы не вполне находятся вне рамок современного им официального мировоззрения. В связи с этим интересно отметить следующие факты: «Азбука о голом и небогатом человеке», несмотря на ее шуточный и пародийный характер, благодаря мнемотехнической функции смеха, вызываемого ей, могла служить для целей обучения русскому языку. «Послание дворительное недругу» – пародийное послание помещено в конце сборника в составе письмовника XVII в., имеющего следующее заглавие: «Сказание и начертание епистолиям от божественных писаний своим любезнейшим братьям или сродником, також и ко всякому человеку» Согласно исследованию А. С. Демина [4], этот письмовник весьма отличается разнообразностью. В него включаются не только такие пародийные и шуточные послания, как «Послание дворительное недругу», «Послание сына, от наготы гневного, к отцу», но и многие образцы таких посланий, которые нельзя считать шуточными. В данном случае речь идет о сосуществовании противостоящих друг другу текстов, т. е. текстов серьезного, даже официального характера, с одной стороны, и текстов, пародирующих их, с другой.

Сосуществование текстов, противостоящих друг другу, в одном сборнике показывает ту двоякую и парадоксальную позицию, которую смеховая литература занимает в системе современного ей общества. С одной стороны, ее постоянно подвергали критике, гонениям, и вообще было запрещено читать произведения такого рода (в статьи «ложных и отреченных книг» включаются такие произведения смеховой литературы, как «Повесть о бражнике», «Повесть о куре и лисице»). Судебные разбирательства вокруг «Службы кабаку» свидетельствуют о том, как упорны и довольно успешны были попытки запрещения и искоренения смеховой культуры со стороны официальной и официально-религиозной сил.

С другой стороны, смеховую литературу одобряли, защищали и, более всего, читали. Весьма интересная апология смеха содержится в предисловии к «Службе кабаку». По мнению автора этого предисловия, если кто видит в этом произведении кощунство, то ему не рекомендуется его читать: «Увеселительное аще и возмнит кто применити кощунству, и от сего совесть его, немощна сущи, смущается, таковыи да не понуждает к читанию». Наряду с этим автор сравнивает «Службу кабаку» со злом, но полезным злом: «яко же и при враческом <...> художестве в зелиях бывает потребно и ядовие в мерном разстворении ко здравию, сице и zde» [Цит. по: 1, с. 92-93]. На этом основании утверждается, что данное произведение не только «не порочно», но и даже «полезно» (как известно, в Древней Руси слово «полезно» или «душе полезно» является самой главной и важной основой книги и писания вообще).

Все вышеперечисленное позволяет рассматривать смеховую литературу как явление, основанное на особом взаимодействии высокой, официальной культуры, с одной стороны, и низовой, народной культуры, с другой.

А. Я. Гуревич, корректируя концепцию М. М. Бахтина, утверждает, что если «карнавал предполагает перевертывание той же самой культуры», то все его инверсии «не только не игнорируют или отвергают господствующую культуру и религиозность, но, напротив, из нее исходят, в ней обретают свои закономерности и в конечном счете по своему утверждают ее. Карнавал есть своеобразный коррелят серьезной культуры, присутствующий в нем, пронизывающий его ткань» [3, с. 276–277]. Подобно этому, русская смеховая литература XVII в. и нарушает, и поддерживает господствующую культуру. Как и карнавал, русская смеховая литература амбивалентна в том смысле, что она двояко относится к современной ей официальной культуре. Поэтому правильно понять смеховую литературу можно только в том случае, если исходить из гипотезы о внутреннем взаимодействии смеховой литературы и литературы официальной, не ограничиваясь разведением их в разные стороны и противопоставлением.

В отечественном литературоведении до сих пор остается нерешенным вопрос, связанный со смеховой литературой: в отличие от соответствующей западноевропейской литературы, русская смеховая литература имеет более позднее происхождение, но «взрывной» характер. В чем заключается причина данного феномена? Ответ на этот вопрос требует сравнения древнерусской литературы с западной средневековой литературой, что и станет объектом нашего дальнейшего, компаративистского, исследования.

Библиографические ссылки

1. **Адрианова-Перетц В. П.** Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века: [Текст] / В. П. Адрианова-Перетц. – М.; Л., 1937. – 245 с.
2. **Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса: [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1965. – 457 с.
3. **Гуревич А. Я.** Проблема средневековой народной культуры: [Текст] / А. Я. Гуревич. – М., 1981. – 157 с.
4. **Демин А. С.** Вопросы изучения русских письменников XV – XVII вв. (из истории взаимодействия литературы и документальной письменности): [Текст] / А. С. Демин // ТОДРЛ. Т. XX. – М.; Л., 1964. – 207 с.

5. **Еремин И. П.** Симеон Полоцкий – поэт и драматург: [Текст] / И. П. Еремин // Симеон Полоцкий. Избр. соч. – М.; Л., 1953. – 217 с.
6. **Костомаров Н. И.** Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях: [Текст] / Н. И. Костомаров. – М., 1992. – 205 с.
7. **Кузьмин А. Г.** Падение Перуна: [Текст] / А. Г. Кузьмин. – М., 1988. – 80 с.
8. **Лихачев Д. С.** Развитие русской литературы X – XVII веков: Эпохи и стили: [Текст] / Д. С. Лихачев. – М., 1973. – 178 с.
9. **Лихачев Д. С.** Смех в Древней Руси: [Текст]: / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Л., 1984. – 245 с.
10. **Лотман Ю.** Новые аспекты изучения культуры Древней Руси: [Текст] / Ю. Лотман, Успенский Б. // Вопр. л-ры. – 1977. – № 3. – С. 45-67.
11. **Лотман Ю. М.** О содержании и структуре понятия «художественная литература»: [Текст] / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 1. – Таллинн, 1992. – 317 с.
12. **Панченко А. М.** Русская культура в канун петровских эпох: [Текст] / А. М. Панченко // Из истории русской культуры. – М., 1996. – 345 с.
13. **Прокопович Феофан.** Сочинения: [Текст] / Феофан Прокопович. – М.; Л., 1961. – 450 с.
14. **Софронова Л. А.** Поэтика славянского театра: [Текст] / Л. А. Софронова. – М., 1981.

Надійшла до редколегії 22.05.2009.

УДК 821.161

Е. И. Романова

Днепропетровск

ОТКАЗ ОТ ЛЮБОВНОЙ ИНТРИГИ КАК ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ В «СКУПОМ РЫЦАРЕ» А. С. ПУШКИНА

Рассматриваются экзистенциальные мотивы в «Скупом рыцаре» А. С. Пушкина. На уровне пушкинского текста раскрывается оксюморонность названия и скупость Скупого рыцаря анализируется как «скачок веры», в условиях утраты смысла бытия как выход «философского самоубийства».

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Маленькие трагедии», «Скупой рыцарь», экзистенциализм, философское самоубийство.

Розглядаються екзистенційні мотиви у «Скупому лицарі» О. С. Пушкіна. На рівні пушкінського тексту розкривається оксюморонність назви, та скупість Скупого лицаря аналізується як «стрибок віри», в умовах втраті сенсу буття як вихід «філософського самогубства».

Ключові слова: О. С. Пушкін, «Маленькі трагедії», «Скупий лицар», екзистенціалізм, філософське самогубство.

The point is to observe the existential motifs in "The Miserly Knight" ("Skupoy Rytsar") by A. S. Pushkin. The oxymoron nature of the drama's title is under consideration. The main focus is put on the Miserly knight image: covetousness is treated as the leap of faith and as a philosophical suicide withdrawal within the loss of the sense of existence.

Key words: A. S. Pushkin, The Little Tragedies, The Miserly Knight, existentialism, philosophical suicide.

В западногерманском пушкинском сборнике, изданном в 1948 году под редакцией Артура Лютера, появилась статья В. Сечкарева, в которой автор представляет Пушкина предшественником современного экзистенциализма, – о чем упоминает А. Л. Григорьев в своем обзоре западного пушкиноведения [2, с. 231]. Крамольная, на первый взгляд, мысль тем не менее оказывается вполне продуктивной. Поразительные совпадения логической схемы (скука,